

Лондон:

Вторая жизнь мюзикла

Нетипична судьба мюзикла, поставленного на сцене лондонского театра «Феникс».

Ирвинг Уорлд

«ТАЙМС», ЛОНДОН.

ПРИ СВОЕМ рождении в середине семидесятых годов мюзикл Джозефа Стайна (текст) и Стивена Шварца (музыка) «Жена булочника» пал жертвой существующей на Бродвее системы, которая «гарантирует», что любой замысел, любой драматургический материал может быть в процессе «сценической обработки» изуродован до неузнаваемости. Восстановленный сейчас авторами в сотрудничестве с режиссером Тревором Нанном на сцене лондонского театра «Феникс», этот спектакль, быть может, и является возвращением к традиционной музыкальной комедии, но тем не менее поставлен великолепно и главное — содержит настоящий, «членораздельно» рассказанный сюжет, историю.

Это история о простодушном и исполненном благожелательности и сочувствия к людям булочнике средних лет, который переезжает жить в одну из деревень французского Прованса. Эмабль Кастанье сразу же становится в деревне очень популярен — и не только потому, что выпекает превосходный хлеб, а еще и по той причине, что у него очаровательная молодая жена. Конечно же, находится местный соблазнитель, ее ровесник, который незамедлительно похищает красавицу.

Вся деревня, которую до этого раздирали злые ссоры, где соседи завидовали друг другу и сплетничали, становится вдруг «монолитом» в своем осуждении изменницы. И принимает единодушное решение: пока она не вернется к супругу, пусть тот не печет свой хлеб. И пусть все жители голодают, а та, по чьей вине они голодают, устыдится... Жители страдают и тоскуют по свежим буханкам и лепешкам, но остаются солидарны до победного конца...

Доверiams прекрасному французскому писателю и сценаристу Марселю Паньолу — по мотивам его фильма, снятого в 1938 году, и сделан этот спектакль. Он, как никто другой, знал жизнь и нравы своего родного Прованса. Раз он уверяет нас, что там

царит культ душистого хлеба, значит, это так. И воспримем эту «хлебную тему» как своего рода символ хорошей, полезной идеи: под влиянием доброго человека целое сообщество людей может преобразиться и преодолеть свой, казалось бы, неизбежный эгонизм...

Все это сохранено в сценарии Стайна. Недостаток его, пожалуй, состоит лишь в том, что образы обитателей деревни (такие живые и достоверные у Паньоля) здесь оказываются слишком уж одномерными, схематичными. Каждый как бы помещен в свою специально изготовленную раковину. У каждого свой постоянный «мотив»:

Сцена из спектакля «Жена булочника». В главных ролях Алэн Армстронг и Шарон Ли Хилл.

Фото «Таймс», Лондон.

юре предается благочестивым размышлениям, маркиз говорит банальности, мэр вечно появляется с тремя так называемыми «племянницами» — подобно петуху со своими курочками.

Что касается главного героя — булочника Эмабля, то он как раз получился в спектакле совсем не схематичным. Алэн Армстронг и'рает его, напирая на сильный ланкаширский акцент, который здесь вполне оправдан как «аналог» прованского акцента, составлявшего особый колорит фильма — оригинала. Перед нами этаким толстеший и седеющий добряк, который, как ему кажется, возвратился в юные годы, женившись на молоденькой женщине. Ключом к решению образа стало сочетание мешковатости с акробатической виртуозностью и точностью движений.

В спектакле несколько блестящих вставок — музыкальных номеров-дивертисментов, которыми «прошита» вся его ткань. Особенно впечатляет один из них: жители деревни, обступив Эмабля Кастанье, поют песенку о том, как повезло тому, кто избежал от жены, и как вообще плохо, скучно жить в браке. В этой сцене, идущей под рыдающие звуки пианино, прекрасно переданы искренность и лицемерие, так часто органически сочетающиеся в людях, когда они кому-то выражают сочувствие.

ВА
РУБЕЖОМ
Г. Москва

1990